

Тема Страшного суда в программе росписи.

Допустим трактовку символа летящих и трубящих фигур, как вестников Страшного Суда. Воспримем тогда образ Пантократора, в череде многообразных толкований его смыслов, как выразительную экспрессию, внятное про-явление, образное предвозвестие Спаса Второго Пришествия. Тогда собор верующих, включённый в пространство живописи, – это и есть то самое отважное, не убоившееся малое стадо, пред-чувствующее, пред-вкушающее, образно вос-принимаящее Второе преславное пришествие Спасителя, - со-общество пред-стоящих символу и вникающих в со-бытие грядущего Страшного Суда. Летящие фигуры – трубят, про-возглашают миру о Суде грядущем и символически приблизившемся, совершающемся. Образно это трубное возглашение замыкается внутри пространства подкупольного креста, в среде живущих и «зде молящихся» людей – личностей – столпов, соборно возносящих личные молитвы ко Господу. Сюда – непременно сойдёт Христос и здесь Он уже нисходит в образе Своём, - на этих людей, на нас, предстоящих. Конечно же, главной, ведущей темой в симфонической полифонии смыслов живописи Преображенского храма, является тема Преображения Господнего, тема образного преобразования человека в виду Господнего чуда. Удивительно, если принять символику Страшного Суда, как один из ведущих смысловых мотивов, согласных с общей темой Преображения (вновь от безвыходности пользуемся музыкальным термином) – если принять смысловую мелодию Страшного Суда, как со-бытийствующую темам Преображения, в принятой полифонии смыслов откроется нам словно бы объёмное, многогранное значение образа. Мы увидим, что образ Страшного Суда не существует, как изображение, явленное само по себе, - образный Страшный Суд как бы изъят из отчаяния, более того, - уравновешен, облагодатствован и возвышен доминирующим смыслом Преображения, - перед нами, вокруг нас вообще не существует некоего образа Суда, перед которым, внутри которого безысходно и удручённо - замкнут созерцающий человек. И, вместе с тем, образ Страшного Суда существует как бы вторым планом в преподнесении и раскрытии смысла Преображения. Образ Страшного Суда вмещает предстоящего человека, объемлет церковь за литургией и включает в некое образное мистическое действие, но включает не сам по себе, но во многогранности составляющих его смысловых мотивов и ассоциаций, - в несомненной, возвышающей спасительной доминанте Преображения, нисхождения (парусии), непрерывного присутствия, Самоумаления, Самоограничения (кеносиса) Бога к нашему восприятию в открывающемся Преображении – в образе Преображения над нами, вокруг... – и в нас. Во взаимно-проникновённом пространстве соприкосновения человека и символа несомненно – ощутима эсхатологическая настроенность образа. И малое стадо - Церковь внутри символического пространства – внутри пространственно открывающейся двери неотстранённо распознаёт образ фаворского света, и в свете фаворском – образ Второго Пришествия. Изнутри света Преображения, из глубины личной сердечной темницы – воззывается Бог, и привлекается к Богу – человек, соучаствующий в общем молитвенном выкликивании, привлечении конца мира сего: «да приидет Царствие Твое», - звучит настойчивым и неотступным императивом, как молитвенное прообразовательное соучастие в грядущей и уже совершающейся встрече Господа, в служении Ему, Входящему. Каждое служение – литургия – действительно повторяющийся евангельский образ избрания избранных, образ исхождения Спасителя на служение, образ проповеди Христа, заклания и воскресения, образ вселенского, космического масштаба – жизни

церкви в её рождении, превечной торжественности, трагический образ бытия святости в церкви, зарождения святости в церкви и покаянного прохождения святости в живых людях сквозь время - в вечность. В иконном образном пространстве мы видим абсолютно настроенное на Богослужение живописное убранство, неотъемлемо включающее в себя молящийся люд, каждого отдельного человека, как часть совокупного целого церкви, - предвечной, небесной, земной и грядущей. Можно сказать, что пространство иконы пустеет и умирает, если не имеет внутри себя живых молящихся людей, как и человек - духовно умирает вне Бога, вне литургии, обезображивается, утрачивая личный образ. «Безславен и безобразен», - так описывает покаянный - канон мертвеца. Лишён образа - во гробе брат. Вне разделения по чинам - объединённый образом Христа - народ проходит послушание - благодатное время врачевницы - в приуготовлении к Страшному Суду, ко спасению, к милости Господней, торжествующей в Преображении. Образно - явлено нам это торжество на горе Фавор, явлено, как обнадёживающий призыв к Преображённому торжестванию. Страшный Суд не преподан в некоем событии, отстранённом от нас и открытом пророку, данном нам к удалённому осознанию... не преподан Страшный Суд и близким образом грядущего, окутывающим ужасом предстоящего и во-ображённого созерцателя. В живописной программе Преображенского храма, реализовавшей эсхатологические смыслы внутри фаворской символики - мы обнаруживаем для себя внятнее ощущение свободы, упования и надежды в образе предстояния Судии. Предощущение Страшного Суда внутри пространственного образа - это видение святости, обстоящей нас, тварей дрожащих, нас, имеющих претензии, упование, чаяния и от-чаяния... - и обнадёженных Царством Небесным. Святость отделена от мира обыденного, но обступает образом внутри храма - молящуюся церковь и каждого человека в отдельности, образ открывает себя, доставляя преизобильное пространство в уединённой огреховленной скорби, вмещает всяческую уединённость внутрь себя. Частицы обыденного мира, люди - обители Божии - отделены, разделены меж собою в личном воображении, и, вместе с тем, включены, нераздельно сплочены в образную пространственную структуру, вмещены в пространство символа Страшного Суда. Но пусть бы и слышали мы звуки трубные, зримые нами в образах парящих фигур, этот символ не будет воспринят нами вне озарения, вне осоления, вне ободрения, об-надёженности и наполненности Светом Преображения Христова. Лишь так образ включает молящегося в общность делания, устремляет к живой и движущейся, осуществляющейся и существующей литургии. Молящиеся и церковь - собор, мы словно бы нанизаны на вертикаль парусии в общности связи с Господом, - устремляемся в чинопоследование, встраиваемся вслед за святыми отцами, святителями в их образах нижнего живописного яруса - встраиваемся в раскрывающуюся перед нами за Вратами Царскими службу святых отцов, даровавших нам правила и чинопоследование литургического делания. В окружении и со-провождении святых мы личными образами - входим в строй ликов, сами являемся неотделимой частью образного ряда, в окружении святых - входим в из лик живыми лицами. Можно ли так помыслить и сказать, что композиция службы святых отцов в алтарной части храма имеет своё образное завершение вне алтаря, за пределами алтарной преграды? Мы видим самих себя, - продолжающими этот чин, видим себя - прочитывающими надписания тайных молитв на развёрнутых нам свитках святителей, мы видим себя, воображающимися в шествие ко престолу Господнему, к Судии на престоле перед нами. Мы - явственно - приближаемся ко Христу, к вкушению Его, к восприятию, к приобщению... К Нему - образу Спаса, на престоле

сущему – востекают служащие святые отцы в своих образах, к Нему – востекают и обращены наши святые – молитвенные предстатели и тёплые молитвенные заступники, со-участники нашего духовного шествования. И мы, имея таких предводителей – устремляемся в это общее служение, - прости, Господи, это высокомерие не по разуму: внутренним - личным и общим – соборным деланием - со – служим святителям и силам небесным, которые неведомо со-служат нам: «ныне силы небесные...» - и мы – вместе с ними – со-общники общего нашего Бога, таинственно преподающего Себя – нам. Никак не на меньшее – настраивает молящегося эта живопись, это упоминание о Страшном Суде. Архангельские трубы образными звучаниями создают словно бы симфоническое обрамление нашему вос-шествию, нашему проникновению в святительский чин образного сослужения Богу... и явственного восприятия Его.